

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

4-ТОМ ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Людвиг Витгенштейн о
достоверности. «Знание по
знакомству и знание по описанию»
Бертрана Рассела

Скептицизм Декарта имел более стойкий эффект, чем его рационализм. Потому что философы были более впечатлены трудностями, поднятыми в его первой и третьей частях размышлений, чем ответами на эти трудности в четвертой и шестой. И трансцендентальный идеализм Гуссерля – лишь последняя из серии безуспешных попыток ответить на картезианский скептицизм по поводу внешнего мира, принимая картезианскую картину внутреннего мира.

Частный языковой аргумент Людвиг Витгенштейна, который показал, что невозможно идентифицировать предметы сознания без ссылки на общественный мир, подрезал почву под всем понятием картезианского сознания. Но только в последние годы своей жизни в эпистемологических трудах «О достоверности» Витгенштейн напрямую обратился к декартовскому скептицизму.

В ответ на скептические сомнения такого рода, представленные в первом размышлении Декарта, Витгенштейн обозначает две отправные точки. Во-первых, сомнение нуждается в обоснованиях. Во-вторых, подлинное сомнение должно внести изменение в чьё-то поведение. Кто-то действительно не сомневается, есть ли у него пара рук, если он использует свои руки, как и все мы. В ответ Декарт мог согласиться с первым пунктом, именно поэтому он изобрёл злого гения, чтобы дать основание для подозрений в нашей интуиции. Второй момент, на который он ответил бы чётко: сомнение, которое он рекомендует, является теоретическим, методологическим сомнением, а никак не практическим.

Следующий предмет критики Декарта Витгенштейном гораздо более существенен. Сомнение, утверждает Витгенштейн, предполагает владение языковой игрой. Об этом вам достаточно подробно рассказывалось в предыдущих лекциях, но мне хотелось бы дополнить и прояснить, как именно Энтони Кенни видит и понимает «языковую игру» Витгенштейна.

Чтобы выразить сомнение в том, что такое «П» (предложение), кому-то нужно понимать, что подразумевается под словом «П». Радикальное картезианское сомнение разрушает себя, потому что оно неизбежно ставит под сомнение значение слов, используемых для его выражения. Если злой гений обманывает меня полностью, то он обманывает меня и в значении слова «обманывать». Таким образом, предложение «Злой гений обманывает меня полностью» не выражает полного сомнения по поводу того, для чего злой гений был предназначен.

По Декарту, вечные истины ограничивают не божественное всемогущество, а нашу способность познания божественного всемогущества. Аналитические истины «Человек есть человек» или «Квадрат имеет четыре стороны» абсолютно идеальны, безупречны как выражения соотношения идей. Вместе с тем, они всё-таки абстракции от реальных актов мышления. Будучи рассмотрены как ментальные акты, которые осуществляются несовершенным человеком, они утрачивают свою очевидность. Не исключено, что декартовский злой гений заставил меня считать очевидным то, что очевидным не является. Именно поэтому вечные истины и не могут устоять под натиском картезианского радикального сомнения. Так Энтони Кенни трактует позицию Витгенштейна.

Даже в языковой игре должны быть какие-то предложения, в которых нельзя сомневаться. Для того чтобы сомневаться в чём бы то ни было, нечто должно оставаться несомненным. Витгенштейн писал: «Вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения основываются на том, что определенные предложения освобождены от сомнения, что они словно петли, на которых вращаются эти вопросы и сомнения. [...] То, что определенные вещи и в самом деле несомненны, принадлежит к логике наших научных исследований. [...] Если я хочу, чтобы дверь вращалась, петли должны быть неподвижны». Но если есть предположения, в которых мы не можем сомневаться, то не ошибаемся ли мы и в этих самых предположениях?». Витгенштейн дистанцировался между ошибкой и другими формами ложных убеждений. Если кто-то вообразит, что он только что в течение долгого времени жил где-то, кроме того, где он на самом деле жил, это будет не ошибка, а психическое расстройство. Это ситуация, в которой можно было бы попытаться вылечить этого человека, а не рассуждать о нём. Разница между безумием и ошибкой заключается в том, что если ошибка связана с ложным суждением, то в безумии никакого реального суждения не делается вообще – истинного или ложного.

Цель Витгенштейна в отношении определенности заключается не только в том, чтобы установить реальность внешнего мира против картезианского скептицизма. Его проблематика, как он сам признавал, была гораздо ближе к позиции Ньюмена в «Грамматике согласия».

Здесь Витгенштейн хотел узнать, как можно иметь непоколебимую уверенность, которая не основана на доказательствах. Существование внешних объектов было определенным, но это не было чем-то, что можно было бы доказать, или это был объект знания. Витгенштейн считал, расположение этого объекта в нашей картине мира (Weltbild) было гораздо глубже.

Пожалуй, совмещение оригинального понимания Витгенштейна сути самой философии и детальных реконструкций собственно философских «техник» (имеются ввиду характеристики формулируемых вопросов, типов аргументации и т.п.) придало идейному наследию мыслителя особое своеобразие. Витгенштейн пришёл к выводам, что наука – это лишь одна из языковых игр, неукоснительное исполнение правил которой отнюдь не предзадано. Конституирование экспериментальной науки о человеке по шаблонам естественных наук Витгенштейн считал неосуществимым. По его мнению, необходимо замещение традиционной психологии следующими способами:

а) комплексным пониманием межличностной практики, которая основана на «жизненных формах», таких как коммуникации по известным правилам;

б) концепцией «языковых игр», которую не обосновать точно так же, как и сами «жизненные формы»;

в) конвенциональным молчаливым согласием участников коммуникации относительно указанных правил на основе доверия к сложившейся соответствующей традиции. И, как следствие, только посредством философского анализа процессов речевой коммуникации в разнообразных речевых играх достижимо осмысление того, что именуется психической жизнью человека.

По мнению Витгенштейна, проблема жизни вообще не может быть разрешена посредством правил, предписаний и каких бы то ни было максим. Её решение – в осуществлении её самое. По мысли Витгенштейна, «решение встающей перед тобой жизненной проблемы – в образе жизни, приводящем к тому, что проблематичное исчезает. Проблематичность жизни означает, что твоя жизнь не соответствует форме жизни. В таком случае ты должен изменить свою жизнь и приспособить её к этой форме. Так исчезнет и проблематичное.

Витгенштейн считал, что философия – не учение или теория, не совокупность высказываний (ибо они бессмысленны), а деятельность, деяние, целью которой является прояснение языка, следовательно, и мира. Он говорил: «Философия призвана определить границы мыслимого и немислимого. Немислимое она должна ограничить изнутри через мыслимое». Результатом этой деятельности должно явиться более чёткое и ясное понимание предложений языка и его структуры.

Витгенштейн говорил, что правильный метод философии состоит в следующем: «Ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано. То есть, кроме высказываний науки. Следовательно, чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией. А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, показывать ему, что он не наделил значением определенные знаки своих предложений». Если на первом этапе целью интеллектуальных усилий Витгенштейна выступал сконструированный по логическим законам язык, то на втором его философской биографии таким выступал естественный язык человеческого общения. Витгенштейн говорил: «Структура языка – это суть структура мира».

Смыслом творчества Витгенштейна явилось желание гармонизировать реальность и логику при помощи достижения полной прозрачности и однозначной ясности языка. По его мнению, мир – это совокупность вещей и явлений, которую невозможно точно описать. Позитивизм Витгенштейна тесно сопрягался с его мистицизмом. Будучи своеобразным аскетом, стремившимся этикой трансформировать мир, размышляя преимущественно афоризмами, репликами и парадоксами, Витгенштейн был убеждён: «о чем нельзя сказать, о том нужно молчать». Такова последняя фраза его «Трактата».

Далее Энтони Кенни продолжает знакомство с эпистемологией рассказом о концепции Бертрана Рассела.

За шесть лет до того, как Фреге опубликовал свои статьи о природе мысли, Бертран Рассел написал свои краткие проблемы философии, книгу, которая должна была дать многим поколениям студентов-философов их первое введение в эпистемологию. Рассел был крестником Джона Стюарта Милля. Большую часть своей жизни он старался быть верным

британской эмпирической традиции, в которой Милль был столь бесстрашным выразителем. Но Рассел не мог принять взгляд Милля на математику как эмпирическую науку, поэтому его эмпиризм всегда смешивался с элементом платонизма, который он разделял с Фреге. Его отправной точкой в проблемах является систематическое сомнение Декарта. «Мне кажется, что я сейчас сижу в кресле, за столом определенной формы, на котором я вижу листки бумаги с письмом или печатью. Поворачивая голову, я вижу из окна здания, облака и солнце. Я верю, что Солнце находится примерно в девяносто трех миллионах миль от Земли. Что это горячий огненный шар во много раз больше Земли, что благодаря вращению Земли оно поднимается каждое утро и будет продолжать делать это в течение неопределенного времени в будущем». Каким бы очевидным это ни казалось, говорит нам Рассел, в этом, может быть, разумно сомневаться. Стол выглядит по-разному и ощущается по-разному с различных углов зрения для разных людей в разных обстоятельствах. Настоящий стол – это не то, что мы сразу испытываем, а вывод из того, что нам известно. То, что немедленно ощущается, совершенно отличается от реального стола.

Давайте дадим название «чувстводанные» (sense) тем вещам, которые сразу же познаются в ощущении: цветам, звукам, запахам, твердости, шероховатостям и так далее. Мы дадим название «ощущение» (sensation) опыту непосредственного осознания этих вещей. Таким образом, всякий раз, когда мы видим цвет, у нас есть ощущение цвета, но цвет сам по себе является «чувстводатумом» (sense-datum), а не ощущением. Цвет – это то, что мы сразу осознаём, а само осознание – это ощущение.

Проблема для англоязычных людей (и для нас тоже) заключается в том, что английское слово sense имеет весьма и весьма длинный ряд значений: смысл, чувство, ощущение, значение, сознание, толк, разум, здравый смысл, мнение, ум, общественное настроение, чувствовать, ощущать, понимать.

Рассел говорил, что чувстводанные – это единственное, в чём мы можем быть уверены. Декарт довел свои сомнения до конца с cogito ergo sum, («я думаю, поэтому я существую»). Но это, предупреждает нас Рассел, нечто большее, чем то, что точно. Чувственные данные не дают никакой уверенности в постоянном «Я». Не «я вижу коричневый цвет», а «коричневый цвет мне видится». Чувстводанные являются частными и личными. Есть ли основания верить в общедоступные нейтральные объекты, такие какими мы представляем себе столы? Если нет, то и нет причин верить в других людей, кроме меня, потому что только через их тела я имею доступ к умам других людей.

Рассел признаёт, что нет фактических доказательств того, что вся жизнь – это не просто сон. Наша вера в независимый внешний мир скорее инстинктивна, чем рефлексивна, но это не означает, что есть веские основания отвергать его. Если мы условно согласимся с тем, что существуют как физические объекты, так и смысловые данные, следует ли говорить о том, что эти объекты являются причинами чувственных данных? Если мы это сделаем, мы должны немедленно добавить, что нет оснований думать, что эти причины похожи на чувственные данные, что они окрашены. Здравый смысл оставляет нас в полном неведении об их истинной природе.

Чтобы прояснить связь между чувственными данными и объектами, которые их вызывают, Рассел вводит свое знаменитое различие между знанием по знакомству и знанием по описанию (knowledge by acquaintance and knowledge by description).

Мы скажем, что знакомы со всем, что нам известно, без посредничества какого-либо процесса вывода или знания истин. Таким образом, в присутствии моего стола я знаком с чувстводанными, которые составляют видение моего стола (его цвет, форма, твердость, гладкость). Но моё знание стола как физического объекта, наоборот, не является прямым знанием. Как бы то ни было, оно получается благодаря знакомству с чувстводанными, составляющими внешний вид стола. Мы видели, что можно сомневаться, есть ли вообще стол, тогда как нельзя сомневаться в чувстводанных. Бертран Рассел говорит, моё знание стола – это то, что мы будем называть «знание по описанию». Стол является «физическим объектом, который вызывает такие-то и такие-то чувстводанные». Это описывает стол посредством чувстводанных.

Чувстводанные – не единственное, с чем мы знакомы. Интроспекция (взгляд внутрь себя)

даёт нам знакомство с нашими собственными мыслями, чувствами и желаниями. Память дает нам знакомство с прошлыми данными внутренних или внешних чувств. Мы можем даже, хотя это и вызывает сомнение, познакомиться с самим собой. Мы не знакомы с физическими объектами или другими умами. Но мы знакомы с гораздо более разреженными сущностями, а именно с универсальными понятиями, такими как белизна, братство и так далее. Подобно Платону, Рассел считал, что универсалии принадлежат сверхразумному миру, миру бытия. Мир бытия был неизменным, жестким, совершенным и мёртвым. Это был мир существования, который содержал мысли, чувства и чувствованные. По темпераменту одни люди предпочитали один мир, другие – другой. Но «оба реальны, и оба они важны метафизику».

Рассел утверждал, что каждое предложение, которое мы можем понять, должно полностью состоять из компонентов, с которыми мы знакомы. Как же тогда мы можем делать заявления о Бисмарке, которого мы никогда не видели? Или о Европе, которая слишком велика, чтобы воспринимать ее как некий смысл? Ответ Рассела состоит в том, что любое суждение о Бисмарке или Европе, действительно, содержит вложенный ряд определённых описаний. И все знания о них в конечном счёте сводятся к знанию того, что известно по знакомству. Только таким образом мы можем иметь какие-либо знания о вещах, которые мы никогда не испытывали.

Рассел описал связь между физическими объектами и чувственными данными, сказав, что первые были логическими конструкциями из последних. Если в задачах он полагал, что объекты вызывают смысловые данные, но отличаются от них, то теперь он пришел к выводу, что утверждения об объектах повседневной жизни, а также научные утверждения, могут быть сведены анализом к утверждениям о чувственных переживаниях. Но это тоже оказалось временной фазой в его мышлении. И в своей последней философской работе «Человеческое знание: его рамки и пределы» (1948 г.) он вернулся к причинно-следственной теории восприятия. Тем временем многое ставило под сомнение всю основу и методику эпистемологии Бертрана Рассела.